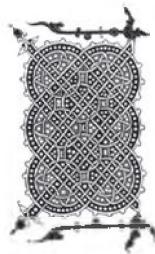

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Подготовка публикации О.В. Кириченко

**«Воспоминания о строительстве
сельского храма Воскресения Христова
в с. Битюг-Матреновка Воронежской обл.
А.А. Ивановой (монахини Митрофании)¹. Часть 1**

Воспоминания внуки священника протоиерея Николая Иванова,— это расшифрованные записи наших бесед с Аллой Александровной Ивановой, жительницей Москвы, нашей современницей, всю жизнь проработавшей инженером, прожившей в семье с мамой и бабушкой и только в конце жизни бабушки узнавшей, что та — вдова священника протоиерея сельского храма, а она, Алла Александровна, соответственно — внучка священника. Через несколько лет после наших бесед (в г. Эртиле Воронежской обл., а потом и в Москве, Алла Александровна приняла монашество с именем Митрофания.

В пору нашей первой встречи, трудами Аллы Александровны — пожилой тогда женщины — был уже построен храм в ее родовом селе Битюг-Матреновка, начались службы. Но попечение о святыне продолжалось, поскольку,казалось, мало построить стены храма и найти священника, мало начать литургическую жизнь, сложнее вернуть сюда церковность и веру. Так и поняла свою задачу Алла Александровна, потом уже монахиня Митрофания.

Менее чем за 10 лет, больная и немощная женщина, яркий тип старой «интеллигентной москвички», с Божьей помощью и при поддержке людей, собирая милостыню на строительство храма в Москве, она собрала, нашла проект, выстроила церковь и вернула святому месту былое достоинство.

Современное сельское строительство православных храмов очень разнообразно: строит энергичный и одухотворенный своим великим делом священник, при активной помощи местного населения; строят сами жители, духовно воспитанные, как правило, жившим в их селе или рядом подвижником веры, нередко монахинями из разоренных монастырей; а иногда, как это было в данном случае, за дело строительства берется человек как будто случайный, даже не очень давно обратившийся к вере, но по особым обстоятельствам вставший на этот путь. На его плечи ложится неподъемный груз ответственности, тяжелых финансовых и организационных забот, и часто людского непонимания. Так было с А. А. Ивановой.

После крещения и обычного воцерковления, она уже глубоко верующим человеком захотела найти могилу деда и храм, где он служил. Место это она нашла, но потрясение от увиденного было еще большим, чем известие о том, что она — внучка священника. На месте храмового алтаря находились хозяйственные постройки, туалеты, а могилы деда так и не удалось найти. Испытав буквально глубокое потрясение от увиденного, Алла Александровна решила, в память о дедушке-священнике, в память о новомучениках, вернуть селу храм. Но самым трудным в ее многолетних тяжелейших трудах по доставанию средств, организации строительства, оказалось не построить церковь, а вернуть селу веру и живое отношение людей к церкви, возвратить утраченный вкус к духовной жизни. До сих

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00196А.

пор, несмотря на то, что храм действует и в нем идет служба, эта проблема остается нерешенной, и она винит в этом себя. Село пока не стало по-старинному единственным приходом, единственным миром, тем зерном, из которого и возможно только потом прорасти духовная жизнь. В рассказе Аллы Александровны важным нам представляются моменты, повествующие о людях, на которых она опиралась и чьими молитвами преодолевала хаос безжизненности в родном ей селе. А это и известные подвижники веры: блаженная Любушка Сусанинская, благословившая строительство, и Псково-Печерский старец о. Иоанн (Крестьянкин), благословение и иконочку от которого Алла Александровна получила перед началом строительства, это — владыки, местные священники и просто доброхоты и помощники. Сколько самых разных людей соприкоснулись с ней, оказали помощь, внесли свою лепту. Самое поразительное, что Алла Александровна видит и помнит все мельчайшие шаги этого долгого пути. За это время она научилась подметать на долгом пути храмоздательства не нагромождение случайных обстоятельств, а Промысел Божий. Множество встреч со священниками, архитекторами, иконописцами позволяли, по крупицам, узнавать о разных сторонах церковной традиции и это тоже стало уникальным и важным для осмыслиения опытом. Большой опорой для Аллы Александровны стал местный благочинный о. Василий Гришанов, который имел опыт строительства двух новых храмов в г. Эртиле и который оказал помощь в строительство нового храма в его благочинии.

К словам монахини Митрофании о ее духовных помощниках — старцах — необходимо добавить и то, что с. Битюг Матреновка находится на месте, где в 1920-е—1930-е годы проживало немало монахинь из разоренных в округе монастырей; здесь неподалеку, в с. Ячейка в 1960-е годы находилась духовная община старца схиигумена Митрофана (Мякинина) и к нему приезжало немало духовных подвижников. В Битюг Матреновке тоже жили постриженницы о. Митрофана, здесь находились блаженные — праведники, которых немало было рассеяно в советское время по городам и весям. Вот почему, это не совсем обычное место, но имеющее своего рода «духовную память» о прошлом, как говорят в церковной среде «намоленность». Все это было подспорьем в многотрудных и неподъемных трудах Аллы Александровны, немолодой и отягченной уже болезнями немолодой женщины. Но она твердо знала, что сила Божия совершается в немощи и потому неустанно трудилась, в чем ей помогали и природные оптимизм, даже юмор, острый и глубокий ум и необыкновенное терпение.

Публикация О. В. Кириченко

Часть 1.

«Село Битюг-Матреновка Эртильского района Воронежской области имело до революции свой храм Вознесения Господня². Там служили мои предки — дед и прадед были священнослужителями. Домашние от меня скрывали наше происхождение. Меня воспитывали мамочка и бабуленка. Бабуленка была матушкой — женой священника протоиерея Николая Иванова. У дедушки было три сына. Старший — Анатолий Николаевич погиб

в лагере в г. Норильске. Младший отбывал ссылку в Соликамске совсем молодым мальчиком, лет 18-19. А средний — мой папочка погиб на фронте в 1943 г. Папочка пошел добровольцем на фронт, хотя у него была броня. Простите, что я так говорю: «мамочка», «папочка» Вам, малознакомому человеку, но это чтоб не обидеть моих родных.

Узнала я о дедушке-священнике также поздно, сохранилась его фотография. О селе Матреновке услышала уже взрослой, хотя меня в грудном

² Алла Александровна сама составила историческую справку о селе. Село Матрёшки одно из самых крупных населенных пунктов нынешнего Эртильского района Воронежской области. Заселение земель по г. Битюг и данного села началось с конца XVII — начала XVIII вв. Из сохранившихся скучных архивных данных известно, что в 1823 г. в с. Матрёшки Бобровского уезда Воронежской епархии была построена тщанием прихожан и помещика Шилова каменная церковь с одним престолом в честь праздника Вознесения Господня. Колокольня и ограда были каменными. В приходе имелись несколько школ: земские начальные, народные училища в селе Матрёшки, в деревни Колодеевка и Грязцы. Церковная школа помещалась в особом помещении при церковной сторожке. На содержание ее отпускались средства от Бобровского уездного отделения училищного совета. Дома для священно- и церковнослужителей были построены тщанием членов местного причта и составляли их собственность. По штату храму полагалось иметь двух священников, одного дьякона и двух псаломщиков. Жалованья членам причта не полагалось. Источник их содержания составляли кружечные доходы и годичные проценты от поступающего дохода. Земля при церкви, вместе с церковным погостом, и пахотная, и луговая, находилась в бесспорном владении церкви и причта и обрабатывалась самими членами причта.

³ Протоиерей Иоанн Попов умер 2 ноября (ст. ст.) 1897 г. Отец Иоанн был настоятелем храма с марта 1884 г. Вторым священником при нем с 1900 г. был отец Михаил Томилин, прослуживший здесь до кончины в 1917 г.

возрасте привозили туда. Папочка родом был из Матреновки, а мама – из Самовца, близкое оттуда село. Дедушку, со слов мамы, любили его прихожане, и выглядел он внушительно: внешность идеального священника — огромного роста богатырь. В последние годы жизни дедушка ослеп. И когда меня грудную привезли в Матреновку, он взял меня на руки, провел рукой по лицу и сказал: «Это — наша».

Расскажу немного подробнее о своем деде — протоиерее Николае, который много лет был настоятелем храма в с. Матрёновке.

Протоиерей Николай Григорьевич Иванов родился 30 января (12 февраля по н. ст.) 1868 г., в 1891 г. окончил семинарию в Воронеже в 23 года, но тогда не женился. До 1884 г. был в д. Бирючи, служил псаломщиком в Вознесенском храме, потом работал учителем в приходской школе, а с 1894 г. – учителем митрофановской церковно-приходской школы в г. Воронеже. Однажды его друг — семинарист пригласил дедушку на свадьбу своей сестры, и там он познакомился с Марией Ивановной Поповой — моей бабушкой — дочерью священника Вознесенского храма села Битюг-Матреновки отца Иоанна Попова. В 1895 г. они поженились, потом его рукоположили и направили священником в Троицкую церковь с. Белый Колодезь Валуйского уезда. Прослужил дедушка в этом месте год, после перебрался с семьей в Матрёновку на место, которое передал ему тесть (как это обычно тогда практиковалось), вышедший по старости и болезни за штат³. И вот со 2 ноября 1897 г. и до смерти последовавшей 2 декабря 1935 г., он прослужил в этом селе. Одновременно он был законоучителем местного народного училища и сельских училищ в деревнях Колодеевке и Грязцах.

До 1917 г. у семьи священника Николая Иванова, состоящей из матушки и трех сыновей, был собственный дом, большой фруктовый сад, пасека (дедушка очень любил пчел). В хозяйстве имелись лошади и овцы, и земли было достаточно — 30 десятин. К 1929 г. остались только дом и три десятины земли.

Это все я нашла в метрических книгах. Мне помог также один семинарист в Воронеже, сын редактора Эртильской газеты и его я тоже просила просмотреть епархиальные церковные ведомости. Там нашелся послужной список дедушки. Рассказывали нам в Матреновке о дедушке так: в праздники запрягал он телегу, а в приходе у него было несколько деревень: Самовец, Матреновка, Коло-

Последний настоятель храма
Вознесения Господня священник
Николай Григорьевич Иванов
(30.01/12.02.1868 – † 02.12.1935),

деевка, Крестцы и еще 2-3 села и ехал совершать молебны. В одну сторону едет по богатым избам. Люди встречают батюшку, дают ему гостинцы, а обратно едет и служит по бедным избам, раздает пасхальные дары.

Мама образно памятно рассказывала о здешней — Воронежской природе, людях, родне, и мне хотелось сюда приехать. Воспитывалась я в советской школе в Москве. Дома о религии не говорили, но всегда была робость перед храмом. Глубоко веровать начала в 1971 г. В 1994 г. я поехала в Псково-Печерский монастырь, и когда должна была состояться встреча со старцем Иоанном Крестьянкиным, я стояла и думала про себя: какой же я никчемный человек, не о чем спросить его. И вдруг мне пришла мысль, точно ангел-хранитель надоумил: попрошу благословенья на поиск храма, где служил дедушка. Но батюшка тогда нас не принял, и мы ему записочки написали. Я получаю записочку от него с молитовкой, как молиться, благословение на поиск храма и две иконочки: одна Божия Матерь Державная, другая — Умиление. Я приехала, и мне стало страшно ехать из Мо-

³ Протоиерей Иоанн Попов умер 2 ноября (ст. ст.) 1897 г. Отец Иоанн был настоятелем храма с марта 1884 г. Вторым священником при нем с 1900 г. был отец Михаил Томилин, прослуживший здесь до кончины в 1917 г.

сквы в неизвестную даль, предложила своей подруге, она согласилась, и мы сразу собрались и поехали, вот что значит благословение! А ведь я даже не знала, в каком селе находится храм, где служил дедушка. Почему-то думала, что в Самовце⁴, там, где мамочка родилась. Везде по-доброму к нам относились, куда бы мы ни приезжали. И все время вспоминала, что значит благословение старца, в этом я впервые тогда убедилась. Мы почему-то поехали через Липецк, а не через Воронеж. Кто-то мне сказал, что сел с названием Матрёновка и Самовец много, а вот ближе есть похожее на наше село под Липецком. Приехали мы в город Грязи Липецкой обл., отсюда поезд после пересадки должен был уходить в г. Эртиль только утром, т. е. ночь мы должны были ночевать на вокзале. Совершенно случайно я спросила идущего по перрону милиционера: «Где здесь касса?» «А куда вам?», — поинтересовался он. Отвечаю: «В Эртиль».

Семья прот. Николая Иванова.
Жена Мария Ивановна и дочь - мама автора статьи

Милиционер вдруг неожиданно говорит: «Скорее, бегом на посадку, ваш поезд уже стоит». Я недоумеваю: «Как наш поезд, этого не должно быть. Да у нас и билетов нет». «Там заплатите. В вагоне заплатите». Приехали ночью в Эртиль. Утром пошли в архив ЗАГСа, до этого я списывалась с ними, и они мне ответили: «Архивов не сохранилось, потому что здесь были немцы». Далее мы поехали в Самовец, на встречу с председателем, который мог знать о судьбе моих родственников, хотя нам сказали, что он будет только завтра. Но мы все равно пошли в сельсовет. Приехали к сельсовету, а председатель не успел еще уехать. В этом селе фамилия Заздравных часто встречается — родная моя фамилия по маминой женской линии. Нашла я своих родственников с фамилией Заздравных и пришли мы с ними к председателю Соловецкому, старенькому уже. Он многих по маминой линии помнил, и немало важного рассказал мне. Выяснилось, что священников нашей фамилии здесь не было, он назвал какие-то другие имена. На следующее утро мы решили ехать дальше — в Матрёновку, где родился отец. Автобус пришел очень рано, село было как будто вымершее. И вдруг в одном домике, вижу — появляется старушка. Подхожу, спрашиваю: «Давно живете здесь?» «Да, с рождения», — отвечает. «А не помните, кто был у вас последним священником?» «Как не помню, батюшка Николай». А моего деда звали Николаем. Я достаю фотографию дедушки и показываю ей. Смотрит, и тут же появляются слезы: «Наш любимый батюшка, наш добрый батюшка», — стала приговаривать она. Выходит ее муж на улицу. Оказалось, что они были соседями дедушки, хорошо знали всех его трех сыновей. Потому что, примерно, возраст был тот же самый.

Эти старожилы рассказали мне, как разрушали храм, только года не могли вспомнить. С их слов, когда храм закрыли, дедушка некоторое время жил в собственном доме, но потом власти его выгнали из дома и оставили без всяких средств к существованию. Какая-то семья их приютила у себя во дворе, в саманочке⁵. Дед был почти слепой, страдала слепотою и бабушка⁶.

Досталось и детям о. Николая. Старшего и младшего арестовали как сыновей священника. Средний сын — мой отец, — к этому времени учился в Москве.

⁴ Село Самовец находится в нескольких километрах от Битюг-Матреновки.

⁵ Небольшой глинобитный дом, приспособленный для летней кухни.

⁶ Свидетелем этого периода жизни дедушки и бабушки остался у Аллы Александровны медный колокольчик — ее домашняя святыня. Колокольчик — от архиерейского кадила — дедушка использовал, когда ослепший ходил на реку удить рыбу для пропитания своей семьи. Когда рыба клевала, колокольчик начинал звонить и дед вытягивал улов.

Судьба храма в Матрёновке трагична. Был он величественный, красивый очень, но я не нашла фото. Однако мне сказали старожилы, что он был похож на храм в Обороне или поселке Мордове (Тамбовской обл.). Сначала в Матрёновском храме после закрытия была МТС⁷, а перед войной его совсем разрушили. Пытались кирпичи использовать на строительство какого-то заводика, но завод так и не был построен. Сейчас на месте храма — усадьбы сельчан, сараи со скотом и туалет. Рассказывают, что когда строили туалет, то наткнулись на гроб какого-то священника, достали его, а вещи растащили: серебряное Евангелие и серебряный крест. Вызвали милицию, забили гроб и опустили на старое место. Туалет же все равно поставили.

Домик дедушки тоже не сохранился, он сгорел в 1960-х гг. Сначала там был сельсовет, потом сделали общежитие для учителей. Но мне и пепелище было дорого, и я взяла отсюда горсточку родной мне земли.

Старожилов в деревне оказалось мало, но я познакомилась еще с одной старушкой. Ходила по кладбищу, искала могилку дедушки, ничего не нашла, молилась, просила, чтобы дедушка мне помог. Жители направили меня к одной старушке: Антонине Григорьевне — бабе Тоне, по-местному. Показала ей фото. Оказалось, что девочкой она часто была при дедушке. Она была сиротой, и в семье дедушки ее привечали, и потому она часто бывала у них. Рассказала про праздники Крещения, которые ей особенно запомнились. Воду освящали в реке Битюг, она тогда была широкая. Морозы в ту пору стояли страшные. Батюшка, бывало, идет с непокрытой головой, без варежек, держит в руках крест металлический, а на реке уже вырублена прорубь крестом, он служит и освящает эту воду, а люди не только берут с собой, но и окунаются в прорубь. И все это с молитвой, хоругви, фонари, свечи, — необыкновенно все было красиво.

Никто из моих рассказчиков не мог вспомнить и показать, где похоронен дедушка. Пробыла я в свою первую поездку в Матрёновке всего один день, мало что узнала, а остановиться надолго было не у кого. Никаких мыслей по поводу восстановления церкви тогда у меня вообще не было, только боль жуткая от всего увиденного. На месте алтаря храма стоит туалет! Мучила безысходность, как я могу дальше жить, помня об этом, но что я могу сделать, я — инвалид II группы, прожилой совсем человек, к тому же никого здесь не знаю. Это был сентябрь 1994 г.».

Потом по своим делам мне надо было ехать в Санкт-Петербург. Приехала, сразу пошла в Свя-

Жена прот. Николая
Мария Ивановна Попова (в девичестве)

то-Иоанновский монастырь к батюшке — Иоанну Кронштадтскому. Здесь за службой у меня впервые была исповедь с таким покаянием, с такими очищающими слезами. Такой исповеди у меня потом не было. И после причастия долго не могла уйти от этого святого места. Стою возле иконы батюшки Иоанна, и слезы текут. Думаю, что делать. Подходит ко мне монахиня: «Поделитесь со мною вашим горем, что с вами случилось?» Я ей рассказала и говорю: «Я не знаю, как дальше жить после всего увиденного». Она мне посоветовала: «Поезжайте немедленно в Сусанино под Петербургом, у нас там живет блаженная Любушка. Мы все ездим к ней из монастыря, она нам говорит волю Божию».

И я на следующий день поехала туда. Приезжаю. Любушка не принимает, потому что плохо себя чувствует. В общем, целый день я стояла около ее калиточки. А им в окно-то видно. Келейница ее склонилась, вышла. Я говорю: «Вы знае-

⁷ По документам храм сначала отдали под зерно. — О. К.

те, я понимаю, что она больна, поэтому вы сами спросите и мне передайте». Ну, сказала, что я из Москвы и должна завтра уехать, а прислали меня из Петербургского женского монастыря. «Ну ладно, пойдемте», — ответила келейница. И провела меня к Любушке. И вот, как только я сказала в нескольких словах, в чем дело, Любушка мне и говорит: «Воля Божия строить храм с тем же названием». Отвечаю: «Матушка, как я могу строить храм?» «Воля Божия строить храм с тем же назнанием». Больше ничего не сказала. Вышла я от нее в полном затруднении. Приехала домой и сразу написала о. Иоанну Крестьянкину. Написала, что я нашла место, где служил дедушка, поблагодарила за благословение, рассказала, что, благодаря ему, путь у меня на родину был открыт. И он мне ответил: «Пишите срочно владыке Воронежскому Мефодию». Тогда написала я и ему письмо, но ни слова не упомянула о блаженной Любушке и ее словах, не знала, как он отнесется к этому, не все ведь митрополиты почитают блаженных. Письмо написала где-то в январе 1995 года. А в феврале получаю ответ, большое такое письмо, в нем хорошие слова, а дальше: «Благословляю на строительство храма. Познакомьтесь с сельчанами, поговорите с ними, может быть, у них сохранились иконы, постараитесь их организовать, поговорите с местными колхозами, предприятиями, чтобы все приняли участие».

Дважды, я считаю, прозвучал голос воли Божий. Но что делать дальше? Одновременно с письмом к митрополиту я написала письмо бабе Тоне в Матреновку. В ту первую поездку она сама настояла, чтобы я взяла ее адрес. Помню, только я села в автобус, и вдруг эта старушка торопливо ковыляет к этому автобусу, машет мне: «Остановитесь. Дайте мне ваш адрес и возьмите мой». У меня даже в голове этого не было. Я ее поблагодарила и взяла адрес.

Я забыла вам сказать, что не совсем не думала в первую поездку о помощи храму, я ведь надеялась увидеть его хоть в каком-то, но не разрушенном до основания состоянии, и потому надеялась помочь, и для этого взяла с собой небольшую сумму, как пожертвование. Ну, а поскольку храма не оказалось, я решила пожертвовать деньги какому-нибудь ближайшему храму. Спросила о священниках, и баба Тоня мне назвала одного, что служил тогда недалеко от Матреновки — в с. Ячейке, хотя жил в г. Эртиле. Я написала этому батюшке записку и отдала бабе Тоне, чтоб она передала поминание за папу, за всех моих родных, и написала, что хотела бы передать денежное пожертвование. Пожертвование я собиралась оставить в епархии в Воронеже, чтобы там передали этому священнику.

Когда приехала в г. Воронеж, захотела встретиться с владыкой, но у меня не получилось. Матушка Варвара — игумения Алексиево-Акатова монастыря — вызвалась устроить мне свидание. Свидание не получилось, но, тем не менее, матушка передала волю владыки — оставить мои пожертвования Акатову монастырю. Я немного расстроилась, но потом поняла, что это воля Божия.

Теперь о письме бабе Тоне. Написала я ей письмо, а она оказалась неграмотной, и пошла в школу попросить написать под ее диктовку ответ. И обратилась к Любови Дмитриевне Гусевой. Та пишет, а в конце от себя добавляет: «Если какие будут во-

Чудом сохранившаяся книга из дедушкиного наследия

просы, можете написать мне, я — преподаватель истории». Так уже с ней завязалась переписка. В следующий раз я решилась приехать, когда поднакоплю денег, так как было неудобно перед о. Василием, что не отдала ему обещанные пожертвования. Я написала, он не ответил, но батюшка вообще не любит писать письма, как я потом убедилась, а не потому, что обиделся. Но Люба привезла его телефон. Я позвонила. Он говорит: «Ну,

приезжайте». И вот зимой 12 февраля я оказалась в г. Эртиле, в 15 км от Матреновки. Почему 12 февраля так мне запомнилось? Потому что, как оказалось потом, промыслительно 12-го февраля я приехала в г. Эртиль. Попала в самую метель. Никто четко не может сказать, как пройти к храму. Крутила, крутила, не скоро, но нашла церковь. Была расстроена, потому что долго ходила. А что, если церковь уже закрыта, и где тогда буду искать священника? А батюшка тогда жил далеко от храма. Подхожу к храмовым воротам, смотрю, машин много, захожу, а в этот момент прихожане его поздравляли, оказывается, я попала на большой праздник. У о. Василия в этот день — 12 февраля были события: день рождения, день Ангела и день Рукоположения. И лишь потом уже я узнала, что 12 февраля также было днем рождения моего деда. Как вот не подумать, что это по его молитвам произошла эта встреча. И в этот день решалась судьба, будет храм или не будет. У батюшки Василия было много гостей, сидели за столом, немножечко побороли и о предполагаемом матренинском храме. Я сказала, что владыка благословляет его строительство, но я думала, что строить будет епархия, а местные жители будут помогать. А батюшка мне на это говорит: «Я только что закончил здесь строить Иверский храм и могу вам точно сказать, что средств в городе на строительство нет. Если бы на годочек, на два пораньше, то легче было бы найти деньги. Нет-нет, ничего не выйдет». А я как-то вымолвила ему в ответ: «А вот блаженная Любушка сказала, что воля Божия — строить храм». Он тут же переспросил: «Как блаженная Любушка? А вы были у нее?» «Была», — говорю. А о. Василий почтит блаженную. И он меня обнадежил: «Ну, раз блаженная Любушка сказала, значит, будем пытаться строить храм». В этот же приезд он меня повез в Матреновку, и когда мы туда приехали, то встретили Любовь Дмитриевну, учительницу. Батюшка вдруг начал ее уговаривать взяться за строительство. Она — историк в школе, верующая. Но весть о строительстве храма в селе оказалась для нее неожиданностью. И вдруг Любовь Дмитриевна дает согласие помочь: «Ладно, попробую». Официально она стала числиться казначеем, а фактически взвалила на свои плечи все строительство на месте. Я обеспечивала стройку финансами. Сам Господь строил этот храм, а мы только выполняли Его волю. Невозможно объяснить это! Не было никаких денег, ничего! И все-таки храм начал строиться. Нашли среди сельчан плотников, каменщиков. А все эти чудеса начались еще гораздо раньше. В 1991 году у меня умерла мамочка, и я осталась совсем без денег. Потому что тогда был 1991 год — деньги были обесценены. И все наши

денежные запасы ушли на похороны. Я года за три до ее кончины ушла с работы. А была ведущим инженером на предприятии в НИИ. Да что с того, что «ведущий» — инженеры всегда мало получали. Но сбережения кое-какие имелись. А когда мамочки не стало, возвращаться в свой институт мне как-то не захотелось.

Я взяла целый ряд “халтурных” работ: расклеивала объявления, разносila телеграммы, повышала в субботу-воскресенье культурный уровень девочки-соседки — водила ее по музеям. Также в какой-то фирме я организовывала поездки, экскурсии. Мне должны были платить проценты. Но скоро все эти заработки отпали. Тогда я окончила бухгалтерские курсы, и сама стала их вести. Познакомилась тут с одним посетителем — мальчишечкой. Пришел он на наши курсы и решил заниматься бесплатно. Я его стала выгонять, а он предложил перейти к нему на работу. Он только хотел начать организовывать свое дело. Я решила ему помочь. Создала эти курсы. Вот тогда и появились «лишние» деньги. Небольшие, но для меня, конечно, большие. Я все удивлялась, зачем мне они. Зачем столько? Я отложила. Благодаря этим накоплениям потом я смогла поехать в Псково-Печерский монастырь и попасть к отцу Иоанну Крестьянкину, а также съездить в другие поездки по святым местам. И у меня тогда мелькнула мысль: наверное, это по молитвам моей мамочки я научилась бухгалтерскому делу. Потому что я бухгалтерии терпеть не могла никогда. А мамочка была по образованию бухгалтер, с ее стороны все были бухгалтеры, дед мой — ее пapa. В бухгалтерском деле нужны только организаторские способности.

Из сохранившихся запасов я привезла на закладку фундамента новой церкви какую-то сумму, какую смогла, потому что других средств тогда не было. И интересно, что я даже тогда не задумывалась: как мы будем строить, откуда возьмем столько денег. Епархия ни копеечки на строительство не дала. Берег нас, наверное, Ангел-хранитель, берег от волнений и сомнений, и я не печалилась, что нет больших денег на все строительство.

В первый же тот приезд батюшка Василий сказал: «Ищи проект». Старый проект разрушенной церкви найти не удалось, а новый заказать стоило больших денег. Стала искать архитекторов верующих. Один согласился и сказал: «Я поговорю с ребятами, может быть, они согласятся выполнить проект за половину обычной суммы». А когда назвал мне эту половинную сумму в долларах (а я их в жизни не видела), я поняла, что и с ними у меня ничего не получится. Время шло, я искала, но результат был отрицательный. И вот как-то однажды, на праздник Державной Божией Матери,

вдруг ни с того ни с сего я побежала в Коломенское на престол. Коломенское — это очень далеко от меня и мне было тяжело туда идти. Приехала, и не знала, что там Патриарх служит. Отстояла службу, все ушли, и я подошла к иконе Державной, молюсь и прошу о помощи Царицу Небесную. Приезжаю домой, вынимаю из почтового ящика «Русь Державную», я выписывала ее. На последней странице, смотрю, изображен эскиз часовни, и есть телефон. Звоню в редакцию, главному редактору. Он мне отвечает: «Пишите скорей статью к нам в газету, может быть, кто откликнется». Но статью я не написала. В этой же газете я пыталась взять адрес фирмы — изготовительницы часовни. Но мне не дали. Так как только через газету идет заказ, чтоб был доход. Там же я увидела статью о том, как начинали строить храм Христа Спасителя. Интересно отметить такую закономерность: мы начали в том же году — в 1995 году. Тоже строили в память о погибших в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. а не 1812 г. (я так в душе себе положила), потому что у меня на войне погиб отец, и дядя, и многие друзья нашей семьи. Также храм строился с моей стороны в память тех, кто там служил. В статье об истории строительства храма Христа Спасителя я увидела фамилию скульптора Мокроусова. Жена его была родом из Воронежа. Я вспомнила, что несколько лет тому назад в Манеже выставлялись проекты Георгиевского храма, что на Поклонной горе в Москве, и был выставлен проект Мокроусова, его тогда не приняли. Опять звоню Андрею Печерскому, главному редактору «Руси Державной»: «Вы не можете мне дать телефон Мокроусова?» Дали мне телефон мастерской и домашний. Архитектор мне назначил встречу в часовенке Державной иконе Божией Матери возле храма Христа Спасителя. Поговорили мы, и скульптор сказал мне, что этого проекта у него нет. У меня опять какое-то уныние наступило. Стали подходить к кресту после молебна. Служил священник, я его тогда не знала — отец Михаил. И вдруг ни с того ни с сего говорю: «Вы не можете мне помочь? Не могли бы вы познакомить меня с каким-нибудь православным архитектором, или подсказать, где достать дешевый проект деревянской церкви?» В этой часовне служил ключарь храма Христа Спасителя — о. Михаил. Он говорит: «Пойдемте со мной». Он познакомил меня с иеромонахом Гурием, а он — бывший архитектор. Отец Михаил говорит: «Займись-ка, помоги женщине». Но о. Гурий был болен, простужен и попросил: «Вы знаете, в другой раз позвоните». В общем, это тянулось очень долго. И я уже была в отчаянии, и решила больше не звонить. Прошло 2 месяца, а дело не продвигается. Значит, нет воли Божией.

Подхожу к телефону и говорю себе: «Звоню в последний раз». А перед этим я несколько раз звонила о. Михаилу и не заставала его.

Позвонила ему (о. Михаилу), а тот: «Ну что, о. Гурий вам помог? Подождите одну минуту». И буквально через несколько минут другой голос: «Мне рассказали вашу историю, приезжайте туда-то, туда-то». Оказалось, это директор организации, которая проектирует храмы. Я к нему приехала, и он мне сразу дал проект бесплатно. Я тут же выезжаю в д. Матреновку с проектами и небольшими накоплениями. Заложили мы закладной камень и фундамент. А дальше что делать? Никто не помогает, и я поняла, что надо мне самой строить. Мы от того проекта, конечно, отошли, нам нужно было основание. Одна женщина такого же возраста, как я, кандидат наук, говорит: «Давай с тобой попробуем походить с ящиком». Но просить, хотя и не для себя, тяжело морально. А поскольку и ее в Москве знают, и у меня очень много знакомых, как-то было не по себе. Мы решили ехать в Оптину Пустынь. А до этого я писала туда игумену Мелхиседеку. Когда-то я была там, в паломнической поездке, оставила ему записку с просьбой помолиться о моих родных, и как-то мне о нем говорили хорошо. Я не могла просить материальной помощи, но ко многим обращалась за молитвенной помощью. Он мне ответил и на ближайший праздник прислал мне поздравление и пожелал, чтобы Господь помог в этом благом деле. Приезжаю в Оптину, а там, оказывается, никому не разрешают собирать пожертвования с ящиком. Нашли мы о. Мелхиседека, начиная говорить. Вдруг он меня спрашивает: «Это вы мне писали письмо?» Говорю: «Я». И он начал хохотать, потому что это редкая просьба. Разрешил мне стоять. И вот мы на паперти стояли дня два. Там очень мало собрали. Пробовали в Москве, пробовали ходить по престольным праздникам. Тоже очень мало. И вот однажды меня пригласили на обретение мощей преп. Зосимы (Верховского) в Смоленскую Одигитриеву Зосимову пустынь, между Александровым и Сергиевым Посадом. Обретение мощей обычно бывает ночью, приезжают миряне крайне редко, но мы сподобились. И было много священства. И вдруг среди них я заметила о. Дмитрия Смирнова, известного в Москве священника, настоятеля храма святителя Митрофана Воронежского. А я до этого была с ним знакома. Когда мне надо было писать письмо митрополиту, я даже не знала, как обращаться к владыке. Я посещала храм святителя Митрофана Воронежского, меня тянуло туда, так как я всегда молилась этому святому — небесному покровителю моего родного Воронежского края. И вот после встречи в Зосимовой пустыни решила попросить о. Дими-

На кухне у А. А. Ивановой.
Фото 2001 г.

трия о помощи. Он подсказал, как писать, и я написала. Когда встал вопрос о собирании средств на строительство, я опять пришла к этому батюшке. Он меня узнал, вывел из храма, стал расспрашивать. И у него я попросила благословения постоять здесь у храма с ящиком. У него всегда полон храм людей и воспитаны они так, что никогда не проходят мимо, все жертвуют. И он сказал: «Приходите». Через некоторое время Галина — моя подруга стала по воскресениям стоять здесь с ящиком. Сначала было хорошо, и были пожертвования. С ящиком здесь поначалу стояло мало людей. Моя Галина, да еще одна монахиня. А потом многие

стали просить постоять. Он разрешал до поры, а сейчас всех разогнал, потому что оказались среди сборщиков нечестные люди, ненастоящие церковные сборщики. Сейчас оттуда мы получаем очень небольшие деньги. А у нас не было ни спонсоров, никого. Помогали или пожилые люди, или среднего достатка, которые отрывали последнее от семьи. Иногда через знакомых кто-то появлялся и говорил, что готов помочь. Но каждый раз неизменно, когда собирались ехать в деревню и везти средства на очередной этап строительства, деньги появлялись обязательно. Позже я познакомилась с одной женщиной, у нее имелся церковный лоток. Она его организовала на собственные деньги. В момент нашего знакомства эта женщина порвала отношения со священником, которому прежде помогала. Мы с ней познакомились случайно, неожиданно. Случайно я попала в один магазин, где был этот лоток, разговорилась, рассказала о своих целях. И тут же был батюшка, который отказался с ней работать по причине ее трудного характера. Я говорю: «Батюшка, вы не обидитесь, если я попытаюсь с ней поработать?» «Нет, во славу Божию, работай», — благословил он.

Коллектив у моей новой знакомой был довольно большой. Собрала она всех продавцов домой и рассказала, каким чудом строится наш храм в Матреновке. И все после ее рассказа как-то загорелись нам помогать. Мою помощницу, однако, смущало, что храм строится без священника. Ей хотелось, чтобы священник был рядом, благословение можно было получить. Но ее уговорила работница церковного лотка, и она стала жертвовать. И дай Бог ей здоровья и спасения души. Год мы проработали вместе, но потом начались искушения. Себе я сказала: «Буду терпеть все, лишь бы храм строился». Было так трудно, что мне даже запретил духовник поддерживать с ней отношения. Мы оказались очень разными людьми, с разными взглядами и на жизнь, и на мораль. И, в конце концов, мы порвали отношения. Потом я искала другие способы доходов. Мне один священник московский стал помогать, но, конечно, услуга за услугу. Я помогаю им, а он отчисляет какие-то суммы нашему храму. А остальное — ящики, пожертвования, но все это тоже мизер в сравнении со строительными расходами. Вообще, понемножку наша стройка продолжалась.

